

Бахит Каирбеков

БОГИНЯ ОЧАГА

ОТ – ОГОНЬ ¹

В старину, прежде чем выйти в дальний путь, разжигали костры по обе стороны дороги, и кош проходил между ними. Наши предки верили, что все плохое, дурное отстанет от людей, испугавшись священного Огня.

Низами:

...Для поклонников Зардушта рдел живой огонь,
 Был источником веселья золотой огонь.
 Пламя – ягода грудная – угли разожгло,
 Киноварью сердцевину угля налило.
 Яблоком без сердцевины красный уголь рдел,
 В сердцевине он гранатом спелым пламенел.
 Россыпью он тлел янтарной, окроплён смолой,
 Жарко искрился, подёрнут пеплом и золой.
 Чернотой раскалённой пламенел сандал,
 Как тюльпаны в косах гурий, кровенел сандал.
 Тюрком – но румийской крови – яркий был огонь,
 Чтил народ наш от Зардушта и любил огонь.
 Пламя жизни – свет Юнуса, купина Мусы.
 Сад чудесный Ибрагима, пиршество Исы...

О чем мечтает Кочующий по степи под открытым небом? В долгом пути его нещадно палит солнце, треплет ветер, его секут плети дождей, леденит мороз и обсыпает снег. Нелегка судьба странника, и желания его просты: отогреться у костра, поесть-попить чего-нибудь горячего, отдохнуть под сухим кровом, вдали от хищных зверей забыть все страхи и тревоги, одолевавшие его в пути.

Все это дарит ему Огонь – Очаг. В народных поверьях огонь выступает в роли матери – защитницы домашнего очага. Вот почему для казаха-кочевника Очаг – сердце его кочевого дома, вот почему Огонь для него – символ Жизни, Семьи, Дома.

¹ От – огонь. Глубоко символично, что и траву, в особенности раннюю, казахи зовут тоже «от».

Чистота, Благо, Защита – синонимы сакрального Огня. И там, где поселилось Зло и Болезни, казах обязательно возжигает Огонь. Огня боятся не только хищные звери, но и злые духи, считал он.

Первая заповедь казахов: *Почитай Огонь, не оскверняй его, он – священен!*

Точно так же как кочевник, дитя степи, поклонялся Небу (Солнцу), точно так все члены семьи почитали Огонь (Очаг). И если родиной тенгриев (святых духов) было небо Тенгри, то казахи называют родиной Отан (землю, где близких людей объединял От – огонь Очага).

Тюрки считали огонь сыном Солнца и одной «крови» с Дарующим Жизнь. В казахском народе сохранилась древняя молитва, обращенная к Огню: «*От-Ана, Май-Ана, жарылқа!*» – которую можно перевести как: «Мать-Огонь, Мать Умай, прими и благослови!» При этом невеста выливали в огонь толику растопленного жира из ковша, принося ее в жертву Духу домашнего очага. Это – обязательная часть свадебного обряда. Огонь выступает здесь в роли хозяина дома, который мог принять, а мог и не принять чужого человека в свою семью.

Хранительница священного Огня в те далекие времена являлась жрицей первых святилищ, шаманкой. Так, среди алтайских народов сохранилось общее название шаманки (удаган, или удган), в то время как шаман-мужчина в каждом обществе имеет особое наименование. Нетрудно угадать в этом слове тюркское «огонь» и выявить имя тюркской богини очага – От Ана.

Тюрки божество Огонь представляли в своих мифологиях в образе Красной коровы, Красного быка, Красного петуха. По другим представлениям, Огонь олицетворялся с женским образом – Ут-ана, огонь-мать. Ут-ана считалась матерью всех людей. Когда огонь свистел в очаге, кланялись пламени и приговаривали: «Огонь, ты наша мать, имеющая 30 зубов, ты наша теща, имеющая 40 зубов».

«Там, где огонь, там и душа», – говорят казахи.

ҮЙ – ДОМ, СЕМЬЯ

Кочующий подобен птице, которая возвращается в свое гнездо. Вот почему дом родной – семью – казахи называют еще *жан ұя* («гнездо души»).

Үй іші – домашние, семья: муж, жена, дети (букв.: «нутро дома»).

Үйдің иесі – хозяин дома.

Бала-шаға – дети дома.

Когда встречаются знакомые люди, то после приветствия обязательно спросят: «*Үй іші, бала-шаға аман ба?*» («Как дома – все ли живы-здоровы?»).

Ты, Эзоп, как видно, считаешь домом вот эти земляные, деревянные и глиняные заслоны, все равно, как если бы ты считал улиткою только раковину, а не ту, кто в ней живет. Оттого и стал ты смеяться над Солоном, который при виде пышного убранства Крезова дворца не объявил сразу же обладателя его счастливым и блаженным, желая увидеть то хорошее, что в нем, а не то, что вокруг него.

Видно, ты забыл про свою собственную лисицу, которая спорила о пестроте с барсом и сказала судье, чтобы он заглянул ей внутрь – там она пестрее. Ты же смотришь на изделия каменщиков и плотников и говоришь, будто дом – это

именно это, а не то, что обретается внутри, – дети, супруги, друзья, служители и все прочее, что, будучи устроено сообща, разумно и здравомысленно, даже в муравьиной куче или птичьим гнезде называлось бы хорошим и счастливым домом (*Анахарсис*, сын царя скифов²).

В гнезде появляется на свет птенец, и в гнезде приобретает навыки кормежки и полета, точно так человек проводит свое детство в юрте и «кочует» из ритуала в ритуал, соответствующие каждый раз его новому возрастному статусу. Став взрослым, он продолжает «кочевание» вокруг Дастархана – эпицентра пиршества Жизни; стартовав, как самый младший, с места у порога, достигает высшего почета – Торя (Царского трона – Хозяина положения в обществе) и постепенно нисходит, возвращаясь к статусу Гостя на земле, чтобы покинуть Пиршество, удалившись в мир иной.

ТАБИТИ

Очаг – самое святое место. Прежде его называли *отбасы* – «место, где берет свое начало Огонь»³. Недаром символом единения тюркского Эля был казан. Он гордо восседал, как царь на престоле, на тагане (треножнике), установленном над Огнем, и олицетворял собой Чашу Благодати.

У самых ранних кочевников, известных всемирной истории, богиней очага считалась Табити, которая пользовалась наибольшим почитанием у скифов. Согласно Геродоту, который отождествлял ее с греческой Гестией⁴, Табити воплощала важнейшую для арийской культуры идею священного Огня как посредника между земным и небесным мирами. Имя ее толкуется как «Согревающая», «Пламенная». Она изображалась сидящей у горящего огня с зеркалом в руке. Рядом обычно стоит скиф, по всей видимости – неофит, испивающий до дна поднесенный ему ритон. Ритуал посвящения (инициации) включал величайшую для скифов клятву – «царским очагом», «царскими предками».

Греческая богиня очага Гестия также была настоящим символом хозяйки, «деятельность которой, в отличие от деятельности мужа, происходила внутри дома». И древний свадебный обряд, связанный с ней, почти не отличался от нашего современного обряда первого посещения невестой дома жениха.

«Когда новобрачную вводили в дом мужа – впереди нее шествовала ее мать с факелом, вожженным на очаге своего дома, и этим факелом она зажигала новый дом на очаге своей дочери и зятя. Так водруженная Гестия становится богиней-покровительницей дома, могучей и благосклонной»⁵.

Отличительной чертой ритуала древности служит то, что огнем распоряжается мать невесты, тогда как в казахском обряде огонь возжигает мать жениха, и, прежде чем принять чужую в свою обитель, она символически прикасается к пламени руками и «освященными Огнем» семейного очага ладонями проводит по лицу невесты, тем самым и очищая ее и «наделяя» защитой родового Огня.

² «...по эту сторону Понта нельзя назвать ни одного просвещенного племени, и мы не встречаем у них ни одного знаменитого человека, кроме скифа Анахарсиса». Геродот. История. Глава IV, с. 198.

³ В наше время так принято называть хозяина дома.

⁴ Ср. поклонение богине очага – девственнице Весте у римлян.

⁵ Античная мифология... С. 213.

Понятно, что в первом случае балом правит Мать дочери, во втором Мать сына, то есть Огонь (душа рода во времена матриархата наследовался по материнской линии, а в наше время по отцовской). Но и в том, и в другом случае – божество огня было женского пола: Табити (Гестия) и От Ана – Мать-Огонь.

Дух Огня мог быть и мужского пола у других народов. Но, как верно заметила этнограф В. Н. Харузина в статье «К вопросу о почитании огня»:

Не была ли на заре жизни человечества женщина естественной хранительницей огня на очаге, временном или постоянном?

Мужчина, добытчик дичи, уходил иногда далеко; женщина постепенно принуждена была сократить свою подвижность. Если исходить из трудности добывания огня и удобств сохранять его поддержанием, не представляется ли возможным допустить... что женщина оставалась зачастую на месте стоянки, чтобы только сохранить огонь?

Женщина более, чем мужчина, имела случай обходиться с огнем, изучать его свойства, привычки... Она замечала, отчего он, сердитый, шипит и трещит, сыплет искрами, что заставляет его поднимать кверху свои языки, с какой жадностью он накидывается на подбрасываемую ему «пищу» – топливо.

Ее внимание усиленно сосредоточивалось на стихии, поддержание которой было так существенно важно. В ее уме создавался ряд суеверных представлений, она составляла себе целый кодекс более или менее верных примет, относящихся к огню ⁶.

С огнем связывали благополучие дома.

Запрещалось лить воду в очаг, касаться огня ножом или какими-либо острыми предметами и даже, как отмечает Плато Карпини, «рубить топором возле огня» ⁷, так как можно случайно отсечь голову «хозяйке» огня. «Оскорбить огонь» – все равно, что пожелать зла этому дому и его хозяевам. Даже случайно пролитая вода может привести к несчастью. Угасание огня истолковывалось как угасание жизни.

В древние века облавные охоты требовали определенной организации: женщины добывали огонь и охраняли его, мужчины пользовались им при облавах. Уже тогда женщины-хранительницы огня (очага) были как бы стабильным центром племени, мужчины – его более подвижной периферией. В какую-то эпоху произошел раскол рода на семьи. Тогда обнаружилось, что не всякий огонь хорош. Появилось деление на «наш» огонь и «не наш» («чужой»). Следы такого деления сохранились едва ли не у всех народов Земли.

Выносить огонь из дома в ночное время – накликать беду. Поделиться огнем ночью – к убыли. Даже если сосед попросит углей для растопки, но в ночную пору, хозяин вправе отказать ему.

«Кто никогда не отказывает своим соседям в горячих угольях, – писали еще в XIX веке о белорусских крестьянах, – у того отыметса счастье, и хлеб в поле не простоит без потравы». Некоторые крестьяне «опасаются давать из своего очага горячие угли чужим людям, в другую избу; если дают, то весьма неохотно, при том условии, чтобы те же угли были возвращены, хотя бы и

⁶ Харузина В.Н. // Этнографическое обозрение. 1906. № 3-4. С. 76–77.

⁷ Путешествия в восточные страны Плато Карпини... С. 26.

потухшие. Иные, если угли не возвращены, в свою очередь посылают к тому соседу, которому одолжили, за горячими углями, хотя бы в них и не было необходимости».

Крайней степени строгости подобные запреты достигли у народов Северо-Восточной Азии. В. Г. Богораз, досконально изучивший поверья и обряды чукчей, писал о них: «Каждая семья имеет собственный огонь. Семьи, огонь которых происходит от разных линий предков, даже в том случае, если они многие годы прожили вместе, тщательно охраняют свой огонь от всякого соединения с чужим огнем. Заем огня от соседей считается величайшим грехом». Или: «Чукотская женщина охотно возьмет у соседей спички, кремь и огниво, так как все это не связано с семейным очагом, но никогда не возьмет ивового прута, так как он смешивается с углем, а уголь взят с чужого очага»⁸.

Это сакральное противопоставление «нашего» и «чужого» огня отразилось в свое время в Библии, где вообще ритуал жертвенного огня упоминается многократно и со всеми подробностями. Например, в книге «Левит» при описании торжественного общенародного жертвоприношения упомянут следующий эпизод: «Надав и Авиуд, сыновья Аароновы, взяли каждый свою кадилницу, и положили в них огня, и вложили в него курений, и принесли пред Господа огонь чуждый, которого он не велел им. И вышел огонь от Господа, и сжег их, и умерли они пред лицом Господним»⁹. Речь велась, как видно, не о какой-нибудь незначительной детали жертвенного ритуала, а о принципиальной оппозиции «наш» – «чужой»¹⁰.

Тюрки в огне видели всесильное божество, которое само зарождается, дышит и постоянно изменяется. С огнем у тюрков ассоциировалось представление о рождении, росте, развитии и жизни вообще. Как писал ученый Н. Катанов в своих записях: «По понятиям татар, дух огня растит, греет живое существо, как только дух огня отходит от этого существа, оно умирает, то есть тело приобщается к земле, а душа присоединяется к полчищам духов, витающим на земле».

ҚАЗАН – КАЗАН

В образе богини Табиты воплощалось представление скифов не только о домашнем очаге и семейной или родовой общности, но и о единстве всего скифского племени, единстве с царским домом и с очагом каждого скифского дома. Скифы не возжигали свои очаги от чужого огня и бережно хранили свой огонь. У греков до сих пор существует обычай передачи священного огня, зажженного от домашних очагов далекой родины.

Ставя молодым свадебную юрту отау үй¹¹ из белой кошмы, украшенную красочными лентами и шнурами, хозяйка очага берет горящие угли из очага и, принеся их в новый дом – юрту молодоженов, возжигает огонь под их казаном, тем самым свидетельствуя: «Вы – часть большого дома, малый казан – часть большого казана».

⁸ Богораз В. Т. Чукчи. Ч. II. Л., 1939. С. 54–55.

⁹ Книги Ветхого Завета. Левит. Гл. 27 (10). Российское Библейское Общество. М., 1997, С. 112.

¹⁰ Сергей Токарев. Символика огня в истории культуры. // «Природа». 1984. № 9.

¹¹ *Отау үй* – от слова «от алу» – брать огонь, что было связано с отделением молодых от большой юрты, при этом они наследовали малый казан.

Археологами в Семиречье были найдены огромные бронзовые казаны, богато украшенные по бокам грациозными фигурками горных козлов с красиво изогнутыми рогами. Они датируются серединой I тысячелетия до н. э. (эпоха раннего железа). Почему из всей кухонной утвари именно казаны были спрятаны в земле? Именно спрятаны! И тогда ученые выдвинули гипотезу: казаны эти (в археологической науке они называются котлами) выполняли ритуальную функцию, то есть кочевники использовали их в особых случаях и не рисковали брать с собой в поход, а оставляли – припрятывали в том месте, где совершались какие-то обряды. Что это были за обряды?

Ученые предполагают, что в этих казанах варилось ритуальное блюдо, изготовленное из животного, принесенного в жертву Небу – богу Тенгри. Пища подавалась на специальных жертвенных столах, также изготовленных из литого металла – бронзы. В условиях непрерывных передвижений эти прочные сосуды были удобны для приготовления пищи на костре. Они имели особую форму – полусферическое тулово и сравнительно высокую коническую ножку, дающую возможность ставить котел на землю, обкладывая его дровами или хворостом и поддерживать под ним огонь. Не исключено, что в древности кочевники использовали и другой способ приготовления пищи в котлах, например, подвешивали его на деревянной перекладине, поставленной на упоры.

Вообще, казаны, конечно же, в те времена, да и сейчас, – вещь бесценная. Явно предмет роскоши. Возможно, что покупали его или заказывали в складчину, именно поэтому он мог быть предметом не одного хозяина, но целого клана или рода. Наличие такого богатства свидетельствовало о высоком положении рода и, возможно, уже тогда он стал своеобразным символом семьи, рода и даже клана. Со временем он становится символом единства рода. И чем старше он, то есть чем древнее, тем бесценнее. Он обретает статус ритуального сосуда. И начиная с древних гуннов Центральной Азии вплоть до кочевых империй тюрков раннего средневековья такие казаны служили символом власти, единения рода и племени.

У Геродота есть рассказ о скифах. Он сообщает, что «скифский царь по имени Ариант пожелал узнать численность скифов. Он приказал для этого всем скифам принести по одному наконечнику стрелы и каждому, кто не послушается его, грозил смертью. Тогда скифы принесли такое множество наконечников, что царь решил воздвигнуть из них себе памятник: он повелел изготовить из наконечников медный сосуд и выставить его в Эксампае». Сосуд был огромным: толщина его стенок равнялась шести пальцам, а объем – 600 амфорам.

Тюрки сохранили эту традицию почитания казана – как символа родового единства. Археологи до сих пор находят на территории Казахстана казаны самой разной величины. Малые казаны олицетворяют погребение вождя рода, племени, большими отмечены захоронения степной знати.

Сегодня нам известен самый большой казан, который так и называется Тай-Казан (Казан-Гора). Он стоит в мавзолее Ахмеда Ясави в центре главного зала – казанлыка. Уникальное рукотворное творение человека, бронзовый котел (весом в две тонны и диаметром по верху 2,45 м) вмещает в себя 60 ведер. В казане содержалась подслащенная вода, которую служители раздавали верующим по окончании пятничной молитвы. Вода, по утверждению служителей, обладала целебными свойствами.

У священного Тай-Казана, датируемого XIV веком, прежде была своя символическая «охрана»: казан обступали девять высоких тугов (знамен) с конскими хвостами. У некоторых из них имелись бронзовые наконечники с изображением полумесяца и надписями. На верхнем орнаментальном поясе Тай-Казана, на фоне волнистого стебля со спирально свернутыми побегими есть надпись: «Неужели поение паломника вы считаете откровением?» И сказал пророк: «Тот, кто возводит место для питья на пути Аллаха, да возвысится он, тому Аллах соорудит в раю водоем». И далее: «Приказал построить это место для питья эмир величайший, владетель над выями народов, избранный помощью царя милостивого, амир Тимур Гурган. 20 шаввала года 801-го».

История Тай-Казана еще до конца не разгадана и повод говорить о ней задает Фаздаллах ибн Рузбихан Исфакхани, ученый перс, впервые попавший в Среднюю Азию в 1509 году. Он, с жадным интересом изучивший все достопримечательности мавзолея Ахмеда Яссави, как ни странно, ни словом не упомянул внушительный Тай-Казан, но вместо этого указал на колодец внутри святилища – «начало источника Сальсабил, который дает отведавать напиток отдохновения блуждающим в долине утомления».

Историки посчитали, что Тай-Казана в мавзолее не было почти два века. Где же он был тогда? Или же был тоже скрыт от людских глаз, как это было случалось с древними бронзовыми котлами, служившими только для ритуальных обрядов?

Вообще, тема утоляющего водой сосуда (вспомните чашу Грааля), восходящая к культу Воды, по мнению этнографов, характерна для традиционных культур кочевых народов. В глубокой древности в Центральной Азии в обрядовых сакрализованных действиях котлы использовались как вместилища различных пьянящих напитков. Котлы могли использоваться также для приготовления, сбраживания, перегонки таких напитков, как кумыс, арака. На Кавказе, к примеру, осетины в бронзовых котлах варили пиво. Так что использование Тай-Казана с целью утоления жажды, как уже говорилось, дело богоугодное и в то же время явное свидетельство почитания степных традиций. Сосуд, что называется, не пустовал, не ленился, работал, питая кочевников Великой степи не простой водой, но освященной Небом Тенгри.

Казан – незаменимая вещь в походе: его можно установить меж камней, над любой ямкой, но лучше, конечно, иметь специальное приспособление для казана – таган. Это «престол», на котором казан «чувствует» себя куда уютней, можно сказать, «царем» грядущего пира. Недаром и корень слова «таған» – «так» – трон.

Любопытны в этом плане легенды, связанные с названием города Казани, где явно прочитывается эта параллель сакрального сосуда с представителем власти или божественной силой.

Люди, не зная, как определить место будущего города, обратились к известному вещему старцу. Мудрый провидец удивил их своим советом: «Город нужно заложить в том месте, где казан с водой, врытый в землю, сам собой закипит».

Долго искали такое место и все же нашли. Котел с водой без огня закипел в месте, где речка Булак впадает в Казанку, то есть там, где сегодня стоит столица Татарии – Казань.

По другой легенде один из сыновей булгарского хана Габдуллы Алтынбек, преследуемый отрядами свирепых монгольских воинов, искал прибежище в степях и наконец прибил к незнакомой речке и решил здесь разбить свой лагерь. Он послал за водой своего слугу, вручив ему царский котел из золота. Золото, кстати, скрыто и в этимологии его имени.

Берега речки были обрывисты и, пытаясь удержаться на крутизне, слуга выронил из рук золотой казан, и он канул в водах быстрой речки. Хан увидел в этом божественный знак и основал город, который и был назван в честь золотого сосуда. И в этом поступке хана читается непростая сакральная символика казана – как символа власти.

Существенная деталь в татарской легенде: казан должен закипеть, тем самым проявить свою жизнедеятельность. И здесь хотелось бы обратить внимание на следующий образ – обозначение желудка в организме человека. Он так и зовется – *асказан*, то есть казаном, в котором переваривается съеденная пища. А желудок, как известно, находится в эпицентре нашего тела, там, где и пупок.

Согласно древнеиндийскому мифу, божественный гигантский лотос, олицетворяющий собой творящую силу, вырастает из пупка великого Вишну. И мифический центр нашей планеты мы называем «пуп земли». Следовательно, асказан прямо связан с эпицентром рождения энергии в человеке. То есть «казан» и здесь выполняет родильную функцию, питая нас животворной энергией.

Казан в сакральном смысле символизировал достаток, благополучие. В быту казан воспринимался как живое существо, которое тоже надо питать. Это следует из обычая казахов никогда не оставлять казан пустым, то есть голодным. Даже если в нем не готовили пищи, на доньшке всегда оставляли толику масла, «дабы благодать не покидала дом».

И уж, конечно же, его нельзя переворачивать вверх дном, то есть практически убить его! Вот почему перевернутый казан, так же как и перевернутый шанырак, олицетворял собой смерть его хозяина. Знание этого ветхозаветного правила придает глубокий смысл стихотворению О. Сулейменова, которое он предварил эпиграфом.

*Вблизи чеченского села Бамута
найден самый древний в мире котел.*

Когда-то в нем варилось мясо тура,
Он гостя выделял в семье всегда,
Он горд, когда он полный, и сутулый
Казан мой, перевернут он когда.
Но он дошел до нас неперевернутым,
Он устоял, он полон был землей,
Землей Чечни, как кости перемолотой,
Горячей, выкипающей землей!

И в финале стиха звучат горькие строки поэта:

Холмы, холмы, о горы моей родины,
Как опрокинутые казаны...

Казан – символ семьи. У казахов сохранился уже упомянутый обычай дарения малого казана молодоженам. Если большой казан символизировал дом отца, то малый – дом сына.

Следующий обряд, в котором казан вновь выполнял сакральную роль, – это хлопотливая, хорошо организованная магия вспоможения родам беременной женщины. На роженице развязывали всевозможные узелки, распускались волосы, в доме открывались крышки сундуков, всех видов посуды. А казан – как ни парадоксально – тоже «рожал», наполненный водой, тужился, стараясь, как можно быстрее закипеть. Женщины, присутствующие при этом обряде, подгоняли его и роженицу вопросительными возгласами, как на пари: «*Қара қазан туа ма, қара қатын туа ма?*» («Кто вперед родит – казан или женщина?»)

«Чрево» казана в мифо-поэтическом контексте олицетворяло собой чрево дома, именно в него по представлениям кочевников улавливалось небесное семя – құт.

О сакральной связи казана с потусторонним миром свидетельствует поговорка: «*Қырық (40) құлағы бар, ішіне қырық (40) ту биенің еті сиятын*» («Казан с сорока ушками вмещает в себя мясо священных сорока кобылиц»). Эти нереальные измерения его мощи подчеркивают мифологическую родословную казана. Легендарные свидетельства, бытующие до сих пор, сохранили сведения о том, что огромные ритуальные котлы участвовали в самом главном обряде – жертвоприношении самому быстрому божеству на небе – Солнцу, которому приносились в жертву самые быстрые животные на земле – золотисто-рыжие кони, солнечность которых подчеркивалась золотым «одеянием» священных животных.

Казан, как и самовар на Руси, обязательный атрибут домашнего обихода, он царь дастархана, символ единения, собирания всей семьи за общим столом. Пища, приготовленная в ритуальном казане, обретала сакральное значение, а с молитвами и алгысами в честь ушедших предков – аруахов вступает в силу именно на асах – поминальных встречах – на тризне, где поминание предков не столько поминки по усопшему, но праздник с приглашением духов предков.

Мне кажется, именно так надо понимать древний обряд аса. Недаром мы и сегодня на больших асах, как на празднике, устраиваем скачки и прочие соревнования, которые большей частью таят в себе именно контекст пограничной ситуации – нейтрального пространства между земным и потусторонним миром, который представлен не столько аруахами, но всей памятью о них – героическим эпосом, который исполняется тут же сказителями. Это практически всенародное общение, диалог с потусторонними силами.

Казан – символ мира. И подобно тому, как призывают заключить мир враждующие стороны, обозначая поэтически этот столь желанный договор: «перекрем мечи на орала», так и главное оружие кочевников – стрелы и копьё, точнее, их бронзовые наконечники переплавлялись в котлы, а котлы, в свою очередь, в тяжкие времена вновь обретали точеную остроту стрел и копий.

Быть может, потому так мало сохранилось этих сосудов, прах их развеялся по полям сражений, и если и находят котлы, то явно припрятанные в священных местах, там, где возвышались над степью незримые храмы молитв, вознесенных к небу Тенгри.

